

МИХАИЛ АТТАЛИАТ И МИХАИЛ ПСЕЛЛ

(Опыт короткого сопоставления)

Сведущий читатель легко поймет, что нижеследующие заметки представляют собой попытку возродить один из самых распространенных жанров старой риторики — синкрисис, в котором античные и византийские филологи сравнивали между собой произведения разных авторов и таким образом старались удачней продемонстрировать особенности каждого. Михаил Пселл тоже отдал дань этой традиции, сопоставляя между собой сочинения различных писателей, в том числе весьма далеких один от другого — Еврипида и Писиды, и при этом весьма неловко отдал предпочтение византийскому стихотворцу¹.

Для сопоставления самого Михаила Пселла с Михаилом Атталиатом оснований, конечно, несравненно больше. Оба жили примерно в одно и то же время, разница в возрасте составляла не более двенадцати — семнадцати лет², когда они умерли, неизвестно, но после 1080 года достоверных свидетельств их деятельности не сохранилось. Нет следов и их близкого знакомства, хотя оба значительную часть своей жизни провели при дворе и их орбиты не могли не пересекаться³. Атталиат Михаила Пселла упоминает⁴, Пселл Атталиата — нет, но знать, видимо, был должен.

¹ Psellus Michael. The Essays on Euripides and George Pisidia and on Euripides and Heliodorus and Achilles Tatius / Edited by A.R. Dyck. Wien, 1986.

² Атталиат родился, видимо, между 1030 и 1050 годами, см.: Tsolakis E. Th. Aus dem Leben des Michael Attaleiates (seine Heimatstadt, sein Geburts- und Todesjahr) // BZ. 1965. Bd. 58. S. 3ff. Дата рождения Пселла — 1018г., см.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предуманизма. М., 1978. С.22.

³ И Пселл, и Атталиат принимали, например, участие во втором походе Романа Диогена против турок. См.: Michael Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976-1077) / Texte letablit et traduit par E. Renault; T. I-II. P., 1926-1928. (далее Пс.) Т. II. P.160; Michaelis Attaliothae Historia / Rec. I. Bekkerus. Bonnæ, 1842. (далее — Att.) P.124. 12 сл.

⁴ См.: Att. 21. 18 сл. Другие "случаи упоминания" Атталиатом Пселла не вполне достоверны.

Оба Михаила поднялись из низов, но достигли достаточно высокого положения, оба были приближены к императорам и претендовали на роль их советчиков. Но, что самое важное, оба были летописцами своего времени, описывавшими события не с чужих слов и не из чужих книг, а главным образом по собственному впечатлению и по собственному опыту. Они делали это вполне самостоятельно, скорее всего даже не подозревая о стараниях коллеги. Тем более интересно сравнить их исторические опыты. Древние риторы, как правило, сопоставляли стиль произведений, к стилю обратимся и мы, но, понимая его в широком смысле, сравнивать будем образы авторов, приемы композиции и способы характеристики персонажей¹.

* * *

Мемуарный характер "Хронографии" Пселла отмечают часто, что же касается "Истории" Атталиата, то об этом вспоминают реже²; а между тем большинство событий Атталиат, как и его современник Пселл, передает сквозь призму субъективного восприятия. Даже если автор не принимал непосредственного участия в действии, он незримо, а подчас и вполне зримо, присутствовал в повествовании. Речь идет не только о прямых эмоциональных оценках происходящего³, но и о появляющихся время от времени сообщениях о местонахождении или даже роде занятий писателя в момент совершения события⁴.

1 Сопоставление социальных, политических и иных взглядов Атталиата и Пселла производилось и раньше, см.: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г.Г. Литаврина, М., 1972. С. 74 сл.; Любарский Я.Н. Византийцы о "двигателях истории" (к проблеме идейных течений XI в.) // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982.

2 См.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. С.186. Об Атталиате см.: Kazhdan A. in collaboration with S. Franklin. Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge, 1984. P. 23-86.

3 См., например, эмоциональный "прорыв" автора в повествовании — Ат. 107. 18 сл.

4 Рассказав, например, об освобождении Романа Диогена из плена, Атталиат прибавляет: "Слухи об этом дошли до меня, когда я находился в Трапезунде, намереваясь продолжить путешествие морем" (Ат. 167. 3 сл.). В другом случае, рассказывая о восстании Никифора Вриенния, историк добавляет: "Я же в это время находился в Редесто, занимаясь управлением своими имениями" (Ат. 244. 6 сл.). Эти сведения как бы указывают на "пункт наблюдения" писателя над историческим действием и не позволяют читателю забыть об авторском существовании.

Весьма часто, однако, оба историка принимали в событиях прямое участие и, таким образом, становились равноправными действующими персонами исторической драмы. Роли, отводимые ими себе в рассказе, во многом аналогичны: историки не столько сами непосредственно и активно действуют, сколько выполняют функции советчиков и доверенных лиц императоров, оказываясь при этом чаще всего также и комментаторами их поступков. Сходство позиций, однако, только подчеркивает различие авторских образов.

Атталиат прежде всего старается отметить свои качества храброго воина и знатока военного дела. Он не только сам принимает участие в битвах (Att. 120. 19 сл.; 162. 20 сл. и другие), но и постоянно дает советы царям и полководцам и сурово критикует их промахи (Att. 172. 18 сл.); его советы, как правило, с благодарностью принимаются властителями. Более того, временами Атталиат занимает позицию сурового обличителя не только императора и его полководцев, но и всего народа ромсев. При этом властители изображаются ни к чему не способными и несведущими (Att. 124. 23 сл.), а византийцы — народом глупым, трусливым и низким (Att. 112. 23 сл.; 113. 23 сл.). Писатель считает себя вправе вершить суд над царями и народами и даже принимает образ, близкий к позе "сурового римлянина — обличителя пороков соотечественников". Он и в действительности берет себе за образец древних римлян, прямо утверждая, что те, хотя и язычники, превосходили его христианских современников и в храбрости, и в благочестии¹.

Собственное поведение Атталиата, как правило, не выходит за рамки нарисованного им образа, во всяком случае, до начала "энкомиастического" раздела, посвященного Никифору Вотаниату. Историк восхищается воинственным Романом Диогеном, но не склонен прощать ему ни единого промаха и, не колеблясь, бросает ему в лицо слова правды, даже если эта правда противоречит общему убеждению (Att. 128. 21 сл.; 136. 1 сл.; 152. 17 сл.). Напротив, если большинство склонно осуждать Романа, Атталиат старается найти для него оправдания (Att. 151. 4 сл.). Как истинное воплощение суровой добродетели

¹ Особенно интересно в этом отношении "обличительное" отступление в "Истории" (Ап. 194.1 — 198.8), нуждающееся в более детальном рассмотрении.

историк предан одной истине и независим не только от мнения царя, но и от суждений окружающих. Свою принципиальную вражду ко всякому проявлению приспособления и оппортунизма Атталиат выражает недвусмысленно и четко (Att. 64. 22 сл.).

Трудно себе представить что-либо более контрастное образу Атталиата, нежели самоизображение Пселла. Михаил Пселл — не только не воин, но лицо сугубо "цивильное", он не только не "суровый обличитель пороков", но, напротив, человек до предела терпимый, для которого границы между добром и злом, пороком и добродетелью не всегда четко видны и ясно различимы, он не только не ригорист, но своего рода "протей", постоянно меняющийся и приспособляющийся к обстоятельствам и лицам. Порой начинает казаться, что два историка ведут между собой скрытую полемику о возможности "приспособления к обстоятельствам". Пселл за нее все время ратует, Атталиат с презрением отвергает¹.

Насколько самоизображения Пселла и Атталиата соответствуют реальности? Отвечать на подобный вопрос в применении к литературе столь отдаленного прошлого нелегко всегда, тем более это трудно сделать в отношении Пселла, чей "протейзм" достигает подчас той степени, которая делает почти безнадежными все попытки проникновения к "истинной сути" писателя. Что же касается Атталиата, то вряд ли его "автопортрет" в "Истории" — что-либо большее, чем идеализированное литературное самоизображение. Во всяком случае, льстивый панегирик Никифору Вотаниату, заключающий "Историю", очень мало соответствует принимаемому им образу "сурового обличителя нравов" в стиле безупречных героев Древнего Рима.

* * *

"Хронография" Михаила Пселла писалась в два приема. Первая часть, завершавшаяся изложением истории царствования Исаака Комнина, была закончена в 1059-1063 гг., вторая, посвященная Константину и Михаилу Дукам, — уже после 1075 г. Между обеими частями большой стилистический и художественный контраст. Стиль

¹ См.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. С. 122 сл.

первой части — "спокойный", во второй части возвышенный и панегирический. Первая часть "Хронографии" — замечательный художественный памятник, вторая — более или менее заурядный энкомий.

Из разновременного написанных частей состоит, видимо, и "История" Атталиата. Первая заканчивалась изложением событий царствования Михаила VII, содержанием второй были обстоятельства первого года правления Никифора Вотаниата. Контраст между частями столь же велик, как и в "Хронографии" Пселла. Первая из них — деловое изложение событий, вторая — откровенный панегирик Вотаниату¹

Текст "Хронографии" Пселла четко разделяется на рассказы об отдельных царствованиях. Отдельные леммы к каждому из них только подчеркивают отъединенность разделов. Поделена на разделы о царствованиях и "История" Михаила Атталиата, однако границы между ними совсем не так отчетливо маркированы, и служат ими чаще всего, как и в старых хрониках, сообщения о числе лет царствования умершего или свергнутого императора (Атт. 17. 19; 51. 17 сл.; 69. 14 сл.; 92. 10 сл.) и иногда некрологические характеристики героев.

Внутри повествований об отдельных императорах Пселл применяет самые разнообразные приемы композиции, komponуя с их помощью исторический материал вокруг центрального образа. События сцепляются фигурой главного персонажа, которому рассказ как бы "сопереживает" (используем выражение самого Пселла: *συμπλαδαίνόμενος* — Пс. 71. 20)

Композиционные приемы Михаила Атталиата тоже достаточно разнообразны. Уже отмечалось, что рассказ о Никифоре Вриеннии, написанный по схеме энкомия, почти полностью сохраняет его традиционную риторическую структуру. В прочих разделах исторический материал тоже в определенной мере организован фигурой главного героя, однако зависимость композиции от персонажа совсем не столь непреложна, как у Пселла. Рассказы о Михаиле V, Константине Мономахе, Исааке Комнине и Константине Дуке, например, начинаются с краткой характеристики императоров, но дальше события располагаются

¹ См.: Любарский Я.Н. О составе исторического сочинения Михаила Атталиата // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 23. Л., 1991. С. 112-117.

хронологически и героям остается или реагировать на идущие извне импульсы (например, Константин Мономах), или инициировать самим действия и поступки.

Лишь в одном случае свойства героя оказываются организующими для структуры повествования или, во всяком случае, его большей части: речь идет о Константине Дуке, в образе которого Атталиатом четко различаются два противостоящих начала — добродетель и зло (*ἀρετή καὶ κακία* Att. 76. 18). Все случающееся в этом разделе четко распределяется историком по двум рубрикам: "хорошее" — следствие *ἀρετή*, "дурное" — *κακία* императора. Например, умиротворение печенегов — результат *ἀρετή* (Att. 83. 8-9), а неудачные войны в Азии — следствие *κακία* (Att. 78. 7-8, ср. ниже Att. 86. 17).

Особый характер в "Истории" Атталиата имеет композиция рассказа о Романе Диогене. Ее своеобразие в том, что Роман все время изображен с близкого расстояния и потому впечатлен (пользуемся кинематографической терминологией) "крупным планом". Впервые Атталиат встречает будущего царя на судебном процессе, где Роман исполняет роль обвиняемого, а Атталиат — одного из судей (Att. 98. 16 сл.). Атталиат последовательно участвует в первом, втором и третьем походах Романа на Восток и расстается с ним только после пленения царя при Манцикерте в 1071 г. Все это время "съемочная камера" (продолжаем "кинематографическую" метафору) как бы сопровождает героя, почти не упуская его из вида. Даже когда после манцикертского пленения сохранивший свободу историк покинул императора, "душой" он остался с ним и потому продолжал видеть и изображать события с позиций, с каких они должны были представляться самому Роману. Так, рассказ о важных и судьбоносных событиях в Константинополе, последовавших за поражением и пленением царя, Атталиат вводит словами: "Когда император (Роман Диоген — Я.Л.) находился в Мелисопетрии, до него начали доходить страшные известия..." (Att. 168. 4 сл.) и лишь после этого начинает повествовать и о поведении Евдокии, и о низложении Романа, и о провозглашении нового царя. В каком-то смысле и здесь рассказ, подобно пселловскому, "сопереживает" своему герою.

Искусство характеристики героев, — пожалуй, главное из художественных завоеваний Михаила Пселла. Его персонажи неоднозначны и диалектичны, подвижны, изменчивы и подчас представляют собой сочетание несочетаемых свойств. Именно искусство Пселла рисовать образы более всего и "скрадывает" девятивековое расстояние между византийским писателем и нами ¹.

Образы Михаила Атталиата не так давно стали предметом специального внимания А.П. Каждана. По наблюдениям ученого, весь набор обязательных для императора добродетелей представлен в "Истории" лишь в фигуре Никифора Вотаниата, в то время как другие цари обладают ими только частично, в иных же случаях добродетели заменены на соответствующие пороки ². Это утверждение вполне справедливо, хотя для характеристики образов писателя XI века и недостаточно, поскольку герои Михаила Атталиата уже не механический конгломерат "черт", как у многих прежних историков, а определенные "структуры", в которых связи между элементами столь же важны, как и сами эти элементы.

Характеристики второстепенных персонажей Атталиата мало напоминают пселловские. Этим последним во многих случаях свойственны обостренный диалектизм и внутренняя состязательность, их вторая часть нередко уточняет, ограничивает, а то и противоречит первой. Эпитеты же у Атталиата чаще всего носят самый общий, генерализирующий характер, зачастую лишены деталей и индивидуальных оттенков. Вот наугад выбранные примеры: "Муж кровожадный и доблестный" (Att. 18. 16, Георгий Маниак), "муж доблестный, особенно в рукопашном бою, и умом никому не уступающий" (полководец-латинянин, Att. 35. 13), "муж из числа избранных, священный, исполненный ума и отличный многоопытностью" (Лев Параспондил, Att. 52. 1). Однако, при всех своей эпической обобщенности, прикладываемые к персонажам эпитеты, как правило, не безразличны к своему "предмету" и, безусловно, отражают субъективное и реальное отношение Атталиата к носителям отмеченных свойств. Думается,

¹ Об образах Пселла см.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл. С.204 и сл., а также известную нам только по названию работу: Høhti P. Kaiserportraits in der Chronographia des Michael Psellos // Svenska Kommitteer for byzantinska studier. Bulletin. 1986. S. 15-19.

² Kazhdan A. Studies. P.38.

что такой тип определений отражает и характер Атталиата-писателя: последний, в отличие от Пселла, не очень озабочен психологическими нюансами, но зато стремится по-деловому определить своего героя. Такой же "деловой" характер имеют описания и некоторых из главных персонажей, например, Михаила Стратиготика, Исаака Комнина, Константина Дуки. Характеристики этих императоров быстро и почти незаметно переходят в описание их поступков и действий (Att. 52. 19; 59. 15 сл.; 76. 1 сл.).

Несомненно, справедливо утверждение, что исторические персонажи оцениваются Атталиатом, исходя из парадигмы идеального императора, но в то же время у историка есть и своя, собственная его "мера" оценки правителей: "царская щедрость", наличие или отсутствие которой исправно фиксируется у правителей и власть имущих (Att. 11. 9 сл.; 47. 16 сл.; 66. 16 сл. и др.), "щедрость" — главное достоинство "идеального" императора Никифора Вотаниата (Att. 3. 12 сл.; 261. 13 сл.; 273. 6 сл.; 274. 2 сл.; 280. 5 сл.; 283. 8 сл.; 306. 12 сл. и другие случаи). Напротив, именно "скупость" оказывается причиной главных неудач императора Константина Дуки (Att. 80. 10 сл.; 84. 8 сл.; 95. 16 сл.).

Уже отмечалось, что в отношении "царской щедрости" Атталиат занимает позицию прямо противоположную Михаилу Пселлу: первый самодержцев за щедрость прославляет, второй чаще их порицает за излишнюю расточительность. Было высказано предположение, что смысл, вкладывавшийся обоими историками в одно и то же понятие, различен¹. По нашему мнению, тексты обоих произведений эту гипотезу не подтверждают, но как бы то ни было, именно "щедрость" оказывается чуть ли не главным критерием для оценки героев Михаилом Атталиатом.

Трудно даже сравнивать полнокровные и диалектичные образы Пселла со схематизированными фигурами Атталиата, тем не менее и у последнего герои в отдельных эпизодах выпадают из традиционного стиля византийской историографии. Так, например, Константин Мономах, вполне ordinarily изображенный в разделе, ему посвященном, совсем в ином свете представлен в заключительной "нехрологической" характеристике (Att. 47. 12 — 51.

¹ Kazhdan A. Studies. P. 41. ff.

19). Человек знатный, отличавшийся щедростью по отношению к подданным и заботящийся о делах воинских, он в то же время был весьма склонен к роскоши и любовным утехам (Att. 47. 15 сл.). Царь более всего заботился о сооружении монастыря св. Георгия, был по природе великодушен и исполнен "царственных прелестей" (Att. 48. 11 сл.), но таким он оставался лишь в первые годы своего правления, а затем переменился и принялся нещадно обирать налогами своих подданных (Att. 50. 12 сл.).

В приведенной "некрологической" характеристике "в миниатюре" содержится многое из того, что можно обнаружить в характеристике Мономаха у Пселла, да и что вообще характерно для искусства именно пселловского живописания: такая же противоречивость и состязательность черт натуры, такое же изменение характера после нескольких лет правления. Разница лишь в том, что у Пселла на "диалектических принципах" построено все жизнеописание Константина Мономаха, а у Михаила Атталиата — лишь заключительная некрологическая характеристика.

Атталиату недоступно, конечно, филигранное мастерство Пселла, в образах которого черты положительные незаметно и "диалектично" переходят в отрицательные и наоборот, но тем не менее и наш историк в ряде случаев не склонен рисовать своих героев одной только белой или черной краской. Хороший тому пример уже упомянутый Константин Дука, в фигуре которого сочетаются как *ἀρετή*, так и *κακία*.

Особое место среди персонажей Атталиата занимает Роман Диоген. Рассказ о его царствовании начинается с характеристики откровенно энкомиастической: "Помимо прочих своих выдающихся достоинств, был этот муж вида сладчайшего и роста высокого. Он очень хорошо гляделся и спереди и со спины и воистину источал из себя и благородство и богородство (*εὐγενές τι πνεῦον... καὶ διογενές*). С красивыми глазами, красотой сверкающими, цвет кожи он имел не совсем белый, но и не черный, а как бы смешанный... с примесью румянца, и сладость разлита была повсюду, и вид его, как говорит комический поэт, был достоин властителя..." (Att. 99. 7 сл.). Характеристика построена сплошь на риторических клише, но удержаться на столь высокой ноте Атталиат долго не может и, хотя похвальные замечания о Романе встречаются

и дальше (только при Романе ромеи начали давать отпор врагам — Att. 119. 15 сл., Роман хорошо понимал "глупость" ромеев — Att. 113. 11 сл. и т.д.), тем не менее Атталиат начинает относиться к своему герою все более критически, и в центр его внимания все чаще начинают попадать не заслуги, а ошибки и промахи Романа (Att. 128. 7 сл.; 132. 6 сл.; 138. 23 сл.; 159. 13 сл.; 172. 18 сл. и другие случаи). Однако чем больше сгущаются тучи над головой Романа, тем большим сочувствием к нему проникается Атталиат. Тот самый Атталиат, который еще недавно, одинокий в толпе льстецов, набравшись мужества, говорил царю правду в глаза, теперь один из всех оправдывает царя, вызывающего всеобщее порицание (см. выше).

С большим сочувствием описывает Атталиат сцену пленения Романа и не забывает при этом отдать должное личному мужеству императора (Att. 163. 13 сл.). С еще большим состраданием описана душераздирающая сцена ослепления Романа (Att. 177. 17 сл.), а его кончина изображена и вовсе в тонах житийной литературы: Роман сравнивается с библейским Иовом, он подал для всех удивительный пример мужества, ибо в столь тяжких испытаниях оставил для всех удивительный образец мужества и среди ни с чем не сравнимых бед не произнес ни звука хулы или малодушия (Att. 179. 15 сл.).

Итак, Атталиат начинает повествование о Романе в тонах энкомиастических, заканчивает чуть ли не в стиле жития, а в середине выражает вполне человеческие чувства к императору, которого и жалсет, и хвалит, и порицает.

* * *

Всякое сравнение предполагает в конечном итоге выводы и заключения. Исторические произведения Михаила Атталиата и Михаила Пселла в художественном отношении оказываются столь же похожими одно на другое, сколь и различными.

Впервые в византийской историографии сочинения приобретают ярко выраженную субъективную окраску. Впервые (не говорим о раннем периоде) авторы прямо изображают себя действующими лицами и занимают почти равноправное положение среди других героев. Однако

характер самоизображения Пселла и Атталиата не только различен, но и прямо противоположен.

В обоих сочинениях используются разнообразнейшие приемы композиции и компоновки исторического материала, причем, если Пселл максимально концентрирует действие вокруг главного героя, подчас растворяя исторический материал в его образе, Атталиат сохраняет объективный характер изложения и соответственно более традиционную, частично обусловленную хронологией композицию.

Искусство обрисовки героев у Михаила Атталиата несравненно более традиционно, нежели у Михаила Пселла, однако и он усвоил некоторые из приемов, столь хорошо представленных в "Хронографии" Пселла.

В каком-то отношении "Истории" Атталиата очень "не повезло". Это сочинение оказалось как бы "в тени" замечательной "Хронографии" Пселла, но, как это нередко случалось в истории литературы, и в шедевре, и в относительно ординарном произведении отразились одни и те же тенденции эпохи. Если бы "Хронография" никогда не была бы написана, ее место в истории литературы уверенно заняла бы "История" Михаила Атталиата.